

Иеромонах ИННОКЕНТИЙ (Павлов)

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Деятельность Церкви Христовой на земле принято называть миссией. Эта миссия Церкви обращена как к отдельным лицам, так и к целым обществам, и, имея целью вечное спасение человеческой души, она затрагивает духовные, нравственные и культурные основы их существования. Термин же миссионерство относится к более узкой, хотя и весьма важной области *начального ознакомления* как отдельных лиц, так и целых народов *с учением Христовым и жизнью во Христе*. Именно этой стороны истории Русской Церкви мы и должны здесь неслыханно коснуться.

Христианство стало официальной религией Древнерусского государства уже в то время, когда в Византии и на латинском Западе, а также среди ряда народов негреческого Востока оно имело глубокое проникновение в народную жизнь и устойчивые культурные традиции. В свою очередь, родственные славянские народы также уже были к этому времени просвещены светом веры Христовой и приобщены к католическому преданию Церкви посредством славянских переводов Священного Писания, литургических и патристических памятников. Были тогда христиане и на Руси. По-видимому, не менее столетия в Киеве уже существовала заметная христианская община (1).

Из истории христианства мы знаем, что кроме внутренней готовности того или иного человека или же целого народа к восприятию веры Христовой, необходимым фактором здесь выступает личное свидетельство того, кто несет им благую весть. Господь наш Иисус Христос заповедал ученикам Своим: «идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19—20). С личного свидетельства свв. апостолов началось обращение ко Христу многих людей и устройство Поместных Церквей (Деян. 2 и дал.). Личное свидетельство выходца из царского рода Григория привело ко Христу Армению, а пленницы Нонны — Ивернию. Личное свидетельство юношей Фрументия и Эдессия обратило в христианскую веру Эфиолию, а бургундской принцессы Клотильды — королевство франков.

В этом же смысле апостолом Руси явился великий князь Киевский Владимир (ок. 950—1015). Правда, попытка христианизации Руси предпринималась и ранее, около 961—962 гг., когда по просьбе св. княгини Ольги в Киев для этой цели прибыл немецкий миссионер епископ Адальберт. Известно, однако, что его миссия потерпела неудачу (2). И вот, немногим более чем четверть века спустя мы видим успешное начало того процесса, который получил название Крещения Руси и оп-

ределил дальнейшую судьбу нашей страны. В своей «Похвале Владимиру» митрополит Киевский Иларион († после 1053) говорит, что на князя «приде посещение Вышняго, призре на нь всемилостивое око разумети сугу идольскыи лъсти, взыскати единого Бога сотворышаго всю тварь» (3).

Не берясь судить здесь о путях Божественного Промысла, отметим лишь тот религиозный кризис, предшествовавший христианизации Руси, который стал ясно сознаваться как самим князем, так и ведущими представителями киевского общества, что побуждало их как слушать проповедников разных вер, так и посылать посольства «испытывать» последние (4). Примитивизм языческих воззрений, распространенных среди восточных славян, становился заметным тормозом к раскрытию могучего культурно-созидательного потенциала, таящегося в их духовных недрах (5).

Не рассматривая всех обстоятельств начальной христианизации Руси, коснемся лишь тех данных, которые характеризуют Владимира Святого как миссионера. Здесь, прежде всего, нужно сказать, что это была широкая натура, способная испытать глубокое внутреннее перерождение из ярого язычника в ревностного почитателя Бога Живого и последователя заповедей Христовых. Обаяние его личности среди дружины и киевского населения было настолько велико, что они «с радостью», как отмечает летописец, шли принимать крещение, разделяя его порыв и видя в нем спасительное попечение о себе его горячего сердца (6).

Но в упомянутой «Похвале» святитель Иларион сравнивает Владимира не только со свв. апостолами — основателями Древних Поместных Церквей, но и со св. императором Константином Великим (7). Сравнение это вполне оправдано. Как Константин, предоставив Христианской Церкви свободу исповедания, способствовал культурной победе христианства в греко-римском обществе, так и Владимир способствовал такой же победе его на Руси. Однако в деятельности обоих правителей есть существенная разница. В Римской империи времен Константина церковная организация была уже достаточно развитой, и заслуга императора состояла лишь в предоставлении ей возможности открытого функционирования. Задача же Владимира была совсем иной — как креститель Руси он призван был обеспечить победу новой веры в мысли и жизни древнерусского общества.

Скупые свидетельства летописей дают нам и на этот счет тем не менее достаточное представление. Он выступает как разрушитель идолов и храмостроитель, церковный организатор и устроитель просвещения с целью дать своему народу собственное духовенство (8). Усвоив в качестве основного принципа христианской жизни любовь к ближним и милосердие, он организует дело социальной благотворительности (9). Даже начала государственного управления и суда он пытается устроить на евангельских началах (10).

Таким образом, миссионерская деятельность св. Владимира дала тот импульс, который привел к распространению христианства при нем и его ближайших преемниках по всей территории, обозначаемой ныне названием Древняя Русь, обеспечил становление организационной структуры Поместной Русской Церкви и способствовал прогрессу русской культуры уже как культуры христианской.

Если мы обратимся к дальнейшей истории миссионерства в Русской Церкви, то увидим в ней, с одной стороны, огромное значение личностного фактора в деятельности русских миссионеров, а с другой — заметное замедление в самом распространении христианства по мере расширения географических границ Русского государства.

Русские миссионеры были в значительной своей части не только самоотверженными свидетелями своей веры, даже ценою жизни, как, скажем, киево-печерский инок Кукша, проповедовавший у вятичей (XII в.), но и нередко подлинными создателями культуры целых народов. В числе последних могут быть названы имена святителя Стефана, епископа Пермского († 1396), святителя Иннокентия, митрополита Московского — просветителя Алеутских островов, Аляски, Камчатки, Якутии и Приамурья († 1879), архимандрита Макария (Глухарева) — апостола Алтая († 1850).

В то же время мы видим, что, будучи чаще всего подвигом отдельных личностей, миссионерское дело в России не всегда было достаточно организованным и целенаправленным. В связи с этим можно привести такие факты. В 1261 г. в столице Золотой Орды Сарае (на Нижней Волге) создается епископская кафедра. Однако она занимается лишь удовлетворением религиозных потребностей замкнутой в себе русской колонии, практически не имея в виду миссионерства среди местного населения, если не считать единичных случаев обращения в христианство в то время самих татар. Между тем, уже спустя несколько лет местопребывание Сарайских епископов перемещается в Переяславль, а затем в Москву. С покорением Казани в 1552 г. и Сибири в 1583 г. значительно расширились и пределы Русской Церкви. В Казани в 1555 г. создается архиепископская кафедра, которую занимает ревностный миссионер св. Гурий († 1564). Он обращает в христианство многие тысячи татар. Заметим, что для последних их христианизация фактически означала и ассимиляцию среди русских. В религиозном сознании того времени на Руси принадлежность к Православной Церкви означала принадлежность и к русской нации. В то же время немалая часть татар и других народов Поволжья осталась тогда без просвещения светом Христовой веры. Миссионерство среди них придется уже на XVIII, а проповедь на родном языке на XIX в. В Сибири начало широкой миссионерской деятельности среди местных народностей было положено спустя 80 лет после создания Тобольской и всей Сибири митрополии в 1620 г. Указанная деятельность была связана с трудами митрополита Филофея Лещинского. В течение 25 лет (1702—1727) он подвизался в благовестническом подвиге, окрестив от 40 до 50 тысяч вагулов, остяков и татар. В 1705 г. им посылаются первые миссионеры на Камчатку, а в 1724 г. в Якутск. В 1721 г. по его инициативе было решено отправить русского епископа в Пекин. Однако дело православного миссионерства в Китае в силу объективных причин задержалось еще на 140 лет. Хиротонисанный для этого во епископа св. Иннокентий Кульчицкий, не допущенный в Пекин китайским правительством, 10 лет († 1731) трудился как миссионер и церковный организатор среди народов Восточной Сибири.

Из русских миссионеров XVIII в. следует назвать также неромонаха Никодима Линкевича († 1739), насаждавшего семена веры Христовой

среди населявших прикаспийские степи калмыков. За 10 лет миссионерской деятельности им было обращено 1700 человек. Его труды успешно продолжили протоиерей Андрей Чубовский и другие миссионеры.

Если бы мы задались целью составить очерк истории русского православного миссионерства, то свои взоры нам бы пришлось обратить главным образом на XIX и начало XX в. В этот период миссия Русской Православной Церкви постепенно охватывает все уголки обширнейшей Российской империи и начинает выходить даже в некоторые соседние страны. В системе высшего церковного управления создается специальный орган — Миссионерский совет при Святейшем Синоде, координирующий эту деятельность. В свою очередь, образованное в 1865 г. Православное Миссионерское общество привлекло широкую церковную общественность к делу помощи русским миссионерам. В Казанской Духовной Академии в 1842 г. открывается специальное отделение, готовящее миссионеров среди народов Сибири и Поволжья. Трудившийся там в 1846—1891 гг. проф. Н. И. Ильминский занимался не только переводами Св. Писания и богослужебных книг на татарский язык, но и разработал целую систему перевода традиционных церковных текстов, позволившую осуществить или усовершенствовать указанные переводы на языки народов России. Правда, и тогда русское миссионерство испытывало трудности — главным образом из-за недостатка в кадрах.

Различны были и успехи разных миссий, направляемых Русской Церковью. Так, в Сибири наиболее успешной оказалась деятельность Алтайской миссии, основанной в 1830 г. архимандритом Макарием (Глухаревым). К началу XX в. свыше 50% алтайцев были уже христианами (25 тыс. человек). Для них было устроено 67 церквей, 48 школ и катехизаторское училище, а также открыто специальное Бийское викариатство Томской епархии. В то же время почти безрезультатными оказались попытки миссионерской деятельности в Туркестане или же в соседней с Россией Монголии. Вне России миссионерская деятельность Русской Церкви, кроме Аляски и Алеутских островов, осуществлялась также в Японии (с 1869 г.), где в 1880 г. была образована миссионерская епархия (в 1900 г. она насчитывала 25 231 верующих, 231 общину, 28 священников и 152 катехизатора), в Китае (с 1858 г.), где в 1902 г. миссию возглавил епископ, и в Корее (с 1900 г.).

Но православная миссия, проводившаяся Русской Церковью, получила в XIX в. и другие направления. Так, она стремилась вернуть в свое лоно тех, кто откололся от нее в различные секты местного происхождения и в протестантские деноминации, развернувшие прозелитическую деятельность среди православного населения России с 60-х гг. XIX в. В свою очередь, среди русских старообрядцев такая работа проводилась уже с конца XVII в. Русским духовенством также осуществлялись труды по насаждению Православия среди населения Прибалтики (Лифляндия и Эстляндия). С воссоединением в 1898 г. части сиро-персидских несториан, для последних была организована специальная миссия в Урмие (Иран), имевшая целью удовлетворение их религиозных нужд. В конце XIX — начале XX в. миссионерская работа, проводившаяся в Холмщине и Подляшье (территория царства Польского, входившая тогда в состав Российской империи), имела целью укрепление Право-

славия среди вернувшегося из унии в 1875 г. русского крестьянского населения этих областей. В известном смысле миссионерские черты носила в начале XX в. деятельность Североамериканской епархии Русской Православной Церкви (в 1898—1907 гг. ею управлял будущий Всероссийский Патриарх Тихон), где была организована церковная жизнь православных переселенцев из разных стран Европы и Ближнего Востока, воссоединены с Православной Церковью 40 тысяч униатов-карпаторуссов, имели место случаи перехода в Православие инославных американцев. Наконец, важную роль в деле сохранения Православия на Ближнем Востоке в период усиления там католической и протестантской пропаганды имела деятельность созданного в 1881 г. Российского Православного Палестинского общества, имевшая целью не только изучение христианского Востока и содействие русским паломникам, но и организацию образования среди православного населения Сирии, Ливана и Палестины, а также оказание материальной помощи местным православным церковным общинам.

Рассматривая активизацию миссионерской деятельности Русской Церкви в XIX — нач. XX в., может создаться впечатление, что она, учитывая государственное положение последней, была связана с политическими видами царского правительства, стремившегося расширить и укрепить позиции Православия в стране как составной части официальной идеологии. Однако подобный взгляд будет довольно односторонним. Эта деятельность не могла бы осуществляться без подлинного энтузиазма сравнительно немногочисленного отряда православных русских миссионеров, жертвенно служивших свидетельству истины Христовой. При этом инициатива в деле проведения миссионерской работы нередко исходила от самих церковных деятелей, как было, например, при создании Японской миссии. Св. равноапостольный Николай был послан в Японию не как миссионер, а лишь как священник при русском консульстве. Но совет святителя Иннокентия (Вениаминова), бывшего тогда архиепископом Благовещенским, да собственная ревность о Господе подвигли его начать проповедь среди японцев, приведшую в дальнейшем к созданию Поместной Православной Церкви в этой стране.

В последние почти семьдесят лет Русская Православная Церковь существует в секуляризованном обществе. Это налагает особый отпечаток на сам характер свидетельства веры Христовой, который приобретает миссионерские черты, даже если речь идет о воспитании детей в православной семье.

Русская Церковь вступает во второе тысячелетие своего исторического бытия. Да не оскудеет в ней и далее, по милости Божией, свидетельство веры Христовой и христианской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Существует мнение, что греческие монастыри появились на Руси после осады руссами Константинополя в 860 г. и вероятного заключения мирного договора между Византией и Киевскими князьями Аскольдом и Диром. Во всяком случае, договор Византии с Киевским князем Олегом (911) предполагал службу руссов в императорской армии, что создавало благоприятные условия христианского прозелитизма среди них. А уже договор, заключенный с Византией князем Игорем (944), предполагал клятву на верность ему со стороны как языческой, так и крещеной Руси (см.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980).

² Об этом см.: *Воронов А. Д.* О латинских проповедниках на Руси в X и XI вв.— «Чтения в Историческом обществе преп. Нестора летописца», 1879, кн. I; *Аринь-сн Ж.-П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги.— «Византийский временник», т. 41. М., 1980, с. 113—124.

³ СЗБ, 1856.

⁴ ПВЛ, 6495 (987); ПСРЛ, т. 1, стб. 110.

⁵ Так, академик *Б. А. Рыбаков*, утверждающий, что русская народная культура «уходит в языческие культурные традиции», тем не менее в своей обширной монографии «Язычество древних славян» (М., 1981) наглядно показывает, что языческие мотивы смогли коснуться лишь довольно узкой сферы прикладного искусства и отчасти запечатлелись в словесном фольклоре. Если же мы будем говорить о древнерусской культуре во всей ее совокупности, то нам, конечно же, придется говорить уже о культуре христианской, глубоко проникшей и в народное творчество.

⁶ Вот как описывает «Повесть временных лет» крещение киевлян: «Володимиръ посла по всему граду глаголя: аще не обряцется кто заутра на реце — богатъ ли или оубогъ, или нищъ, или работникъ противенъ мне да будетъ. Се слышавше людье с радостью идяху, радующеся и глаголяще: аще бы се не добро было не бы сего князь и боляре не прияли» (ПВЛ, 6496 (988) — ПСРЛ, т. I, стб. 117). В свою очередь, митрополит Иларион, имея в виду уже процесс христианизации всей Руси, пишет: «(Володимиръ) заповеда по всеи земли креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и ясно и велегласно во всех градах славится Святей Тронци, и всемъ быти христианомъ — малым и великымъ, рабомъ и свободнымъ, уным и старым, бояром и простымъ, богатым и оубогымъ. И не бы ни единого ж противящася благочестному его повелению. Да еще и кто не любовию, но страхом повелеваго, понеже бе благоверие его со властью сопряжено» (СЗБ, 1866).

⁷ СЗБ, 1846 и 191а.

⁸ «(Володимиръ) повеле рубити церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумири. И постави церковь Святаго Василия на холме, идеже стояше кумиръ Перунъ, и прочи идеже творяху потребы князь и людье. И нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всемъ градом и селомъ. Послав нача поимати од нарочитое чади дети и даяти нача на оученье книжное...» (ПВЛ, 6496 (988) — ПСРЛ, т. I, стб. 118). Кроме того, своим уставом «О десятинах, судах и людях церковных» св. Владимир создал материальное обеспечение молодой Русской Церкви и предоставил широкую судебную юрисдикцию Киевскому митрополиту практически во всех гражданских делах и в рассмотрении преступлений против нравственности (см.: *Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.* М., 1976).

⁹ «Повесть временных лет» под тем же 996 г. сообщает, что Владимир устроил на своем дворе бесплатное питание «всякому нищему и убогому», а кроме того повелел доставлять из своих запасов пропитание всем бедным жителям Киева, которые по немощи не могут прийти к нему на двор (ПСРЛ, т. I, стб. 125—126).

¹⁰ «Повесть временных лет» под тем же 996 г. сообщает, что Владимир пытался даже отменить смертную казнь для разбойников, дабы исполнить заповедь «не убий». Что же касается его внешней политики, то летописец здесь же сообщает: «и бе жива съ князи околними миромъ — съ Болеславом Лядским, и съ Стефаном Оугорскимъ, и съ Андрихомъ Чешскимъ. И бе миръ межю ими и любы» (ПСРЛ, т. I, стб. 126).

СОКРАЩЕНИЯ

ПВЛ — «Повесть временных лет» по Лаврентьевскому списку 1377 г.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СЗБ — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, по изд. А. М. Молдована (Киев, 1984).